

материала. Сама по себе проблема, поставленная исследователем, очень важна. Введение систем ценностей в анализ этнографических материалов необходимо при изучении специфических особенностей социальных отношений любого конкретного общества.

Было бы несправедливо, подвергнув критике теоретические положения автора монографии, умолчать о ее достоинствах. В первую очередь отмечу (здесь я полностью согласна с С. Торнаи), что К. Р. Холлпайк привел богатый этнографический материал о консо. Отдавая должное приоритету в изучении этого народа А. Енсену (работу которого незаслуженно отвергает К. Холлпайк, стр. 13—14) этнографы всех школ и направлений будут признательны К. Холлпайку как энергичному и внимательному полевому исследователю. Его опыт является хорошим примером полевой этнографической работы. Зная язык консо, он вошел в их среду сначала как посторонний, вызывавший своим любопытством удивление аборигенов. Но со временем консо прониклись к нему доверием и дружбой, что создало реальные возможности для детального изучения различных аспектов их жизни. Особо хочется выделить собранные автором материалы по социальной организации консо; сюда я отношу части книги об устройстве поселений-городов, системе родства, брачным нормам и возрастной системе. Несмотря на то, что в теоретическом отношении социальная организация освещена автором монографии не совсем правильно, опубликованный им материал не утрачивает своего значения. Следует приветствовать выход в свет такого обширного свода данных.

К. П. Калиновская

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

E. Ogan. Business and cargo: socio-economic change among the Nasioi of Bougainville («New Guinea Bulletin», № 44). Canberra, 1972, p. IX+207.

Папуасоязычное племя насии (10 тыс. чел.), о котором идет речь в рецензируемой книге, не пользовалось большим вниманием исследователей. До первой мировой войны об этом племени писали Р. Паркинсон, П. Рауш и Е. Фрици¹, в 1920—30-х годах — Б. Блеквуд², после второй мировой войны — Д. Оливер³. Надо отметить, однако, что Паркинсон в книге «Тридцать лет в Океании» уделил насии очень мало внимания, а Блеквуд и Оливер изучали другие племена острова Бугенвиль и о насии упоминают лишь мимоходом. Таким образом, литература о насии фактически насчитывает не более трех работ 60-летней давности (считая и статью Рауша о терминах родства, в которой всего две страницы).

Американский этнограф Е. Оган, отправляясь на остров Бугенвиль (в группе Соломоновых), намеревался изучить традиционную культуру насии, чтобы сравнить ее потом с культурой соседнего племени сиуаи, изученной Оливером. Но у него не хватило денег на то, чтобы забраться в глубинный район, и он поселился в дер. Румба, недалеко от г. Киета. Здесь он жил с декабря 1962 по декабрь 1963 г., затем, после трех месяцев, проведенных в Китае, — с февраля по август 1964 г. Потом Оган приехал сюда в 1966 г. (июнь — август). С сентября 1966 по февраль 1967 г. он работал в соседнем районе (Конгара). Наконец, в 1968 г. Оган еще раз посетил остров и наблюдал за ходом выборов в Палату Ассамблеи территории Папуа — Новая Гвинея.

Надо сказать, что насии в этом районе не знают английского языка, а Оган вначале не знал языка насии и меланезийского пиджина. С ним была, однако, работа Рауша об языке насии и книга Михалича о пиджине⁴, и через полгода он уже общался с местными жителями на этих двух языках.

Оган сразу заметил, что в культуре насии за 70 лет контакта с европейцами (первая миссия основана в 1902 г., первая кокосовая плантация — в 1908 г.) произошли значительные изменения. И это определило направленность его исследований: он стал изучать процесс социально-экономических изменений.

¹ R. Parkinson, Dreissig Jahre in der Südsee, Stuttgart, 1907, S. 477 u. a.; P. Rausch, Die Sprache von Südost-Bougainville, «Anthropos», vol. 7, 1912, S. 105—134, 585—616, 964—994; его же, Die Verwandtschaftsnamen der Nasioi, Südost-Bougainville, «Anthropos», vol. 7, 1912, S. 1056—1057; E. Frizzi, Ein Beitrag zur Ethnologie von Bougainville und Buka, mit spezieller Berücksichtigung der Nasioi, «Baessler-Archiv», Beiheft 6, 1914.

² B. Blackwood, Both sides of Buka passage, Oxford, 1935.

³ D. Oliver, A Solomon Island society, Cambridge, 1955.

⁴ F. Mihalič, The Jacaranda dictionary and grammar of Melanesian Pidgin, Hong Kong, 1971.

Работа Огана была осложнена тем, что насии, крайне недовольные восстановлением после второй мировой войны колониальных порядков, связывали с поселением его на Бугенвиле большие надежды на перемены к лучшему. Оган даже опасался, что с ним могут связать культ карго⁵, и просил местных жителей не рассказывать ему о конкретных проявлениях этого культа. В течение 28 месяцев пребывания среди насии исследователь пытался убедить их, что он не представитель ООН, а только ученый, но это ему, как он сам считает, вряд ли удалось (стр. 10).

Поэтому Оган опасается, что насии могли давать ему заниженные сведения о своих денежных доходах, о покупках в магазинах и т. д. (стр. 12). Трудно сказать, насколько обосновано недоверие автора к тем, с кем он общался более двух лет. Неточности в деталях, если они имеются, не меняют общей картины тяжелых экономических и политических условий, в которых жили эти люди в период 1962—1968 гг.

Книга называется так же, как и последняя из семи глав (не считая «Введения» и «Заклучения»), — «Бизнес и карго». По мнению автора, неудачи насии в бизнесе (т. е. в выращивании товарных культур) заставляют их апеллировать к сверхъестественным силам и вызывают в конце концов культ карго (стр. 176). Мнение это приходится признать ошибочным, так как с бизнесом связаны отдельные люди, а культ карго охватывает широкие слои населения и основной причиной его является стремление освободиться от колониальных цепей. К счастью, автор говорит об этом лишь в последней главе книги, к тому же мимоходом. Видимо, книге дано такое броское название из чисто коммерческих соображений. По существу же речь в ней идет об изменениях в хозяйстве и культуре насии в условиях контакта с европейцами.

Как явствует из первой главы — «Введения», автор в вопросах экономики стоит на позициях «субстантивистов», и прежде всего К. Поляни⁶. По мнению автора, экономика в доклассовом обществе не играет не только определяющей, но даже и просто самостоятельной роли, она включена (embedded) в систему родственных связей, событий жизненного цикла и т. д. и целиком подчинена им (стр. 113). Правда, автор оговаривается, что он использует эту концепцию не как прокрустово ложе (стр. 2). Видимо, он и сам видит, что не все факты укладываются в эту априорную схему.

В самом деле, даже терминология родства не ограждена от влияния со стороны экономики. Автор приводит терминологию родства насии (стр. 98), но предупреждает, что это «формальная система», а действительная жизнь видоизменяет ее: люди, часто общающиеся друг с другом, заменяют одни категории родства другими (например, называют кросскузена параллельным кузеном, племянника кросскузеном и т. п.). В еще большей мере празднества, обряды, тайные общества обусловлены экономикой, так как весь ритм жизни насии (распорядок дня, сезоны празднеств, обрядов и т. п.) определены производством материальных благ.

Вторая глава посвящена описанию традиционных экономических и социальных институтов, хозяйства и материальной культуры насии в период между двумя мировыми войнами (более раннее состояние, по словам автора, реконструировать невозможно). Надо заметить, что это описание, несмотря на свою краткость, содержит немало ценных сведений (характер поселений, работа на огородах, свиноводство, охота, собирательство, обмен, раковинные деньги, «большие люди», празднества, плата за невесту). Автор корректирует свидетельство своих предшественников, в частности утверждения Паркинсона и Фриши о наследственном характере должности вождя: на деле каждый из претендентов на эту должность должен был организовать для общинников целую серию обильных празднеств⁷. Весьма любопытен в этой связи обычай *теескира*: если человек потерпел в чем-то неудачу (ему изменила жена, он упал с дерева и т. п.), то члены его рода (му) разрушают его хижину, рубят его кокосовые пальмы, убивают его свиней, собак, кур и все съестное уносят с собой. На вопрос, почему они это делают, насии отвечают: чтобы несчастье не постигло других (стр. 41). Автор дает свое объяснение: насии находились на стадии усиливающейся социальной дифференциации и обычай теескира был средством сопротивления этому процессу, средством борьбы против богатых, выделяющихся из общей среды (стр. 43). По всей вероятности, этот обычай применялся к тем претендентам на должность вождя, которые не смогли завоевать доверия и уважения рядовых членов общины, и последние, поощряемые другими претендентами, пользовались первым попавшимся предлогом, чтобы остановить их продвижение к власти.

Следующие три главы посвящены описанию влияния миссий, плантаторов, промышленников, тредеров и колониальной администрации на экономику и социальные институты насии. Автор книги — американец, поэтому он не связан теми ограничениями, какие обычно испытывают английские и австралийские этнографы, характеризуя порядки в английских и австралийских колониях. Он очень объективно оценивает школьную политику миссионеров, направленную единственно на усвоение библии, действия плантаторов, отнявших у насии много земель (стр. 59), и промышленников, нашедших в 1964 г. залежи медной руды на территории насии и начавших, несмотря

⁵ См.: М. С. Бутинова, Культ карго в Меланезии, «Сов. этнография», 1973, № 1.

⁶ См.: Ю. И. Семенов, Теоретические проблемы «экономической антропологии», в сб. «Этнологические исследования за рубежом», М., 1973.

⁷ См.: Н. А. Бутинов, «Большие люди» в северо-западной Меланезии, сб. «Новые тенденции в развитии Австралии и Океании», М., 1971.

на протесты местных жителей, ее разработку. Протесты приобрели столь бурный характер, что администрации пришлось ввести полицию (стр. 67). Особенно обстоятельно характеризует автор действия колониальной администрации, которая назначала своих ставленников в деревнях (*кукерай, тултул*), ввела принудительный труд (ремонт дорог, работа на правительственных плантациях), систему контрактации труда, подушный налог. В 1960-х годах вместо кукераев и тултулов были созданы деревенские советы. Насион возлагали на деревенские советы большие надежды: «Если мы имеем совет, мы живем, как европейцы» (*sapos mipela gat kaunsil, mipela stap olsem ol waiteman*, стр. 77).

Но энтузиазм скоро сменился разочарованием — в деревенском совете распоряжался киап (патрульный офицер), налог стал больше. Часть деревень насион представлена в совете, часть — нет. Получается так, заключает автор, что народ развеличили вместо того, чтобы его объединить (стр. 78). По инициативе администрации были созданы два кооператива, но насион отнеслись к участию в них отрицательно. Мы не хотим киапа в кооперативе, сказали они, мы хотим сами управлять (стр. 82). Неопытные малограмотные люди, не получающие помощи от администрации, безответственные патрульные офицеры, дающие противоречивые советы, низкие цены на копру и какао, назначенные скупщиками, расовая дискриминация — в таких условиях кооперативам трудно рассчитывать на успех.

В шестой главе характеризуются современные социальные институты насион, в седьмой — их современная экономическая жизнь.

В хозяйстве насион произошли значительные изменения. Появился товарный сектор — производство копры, что можно заметить хотя бы по наличию в деревне хижин для сушки копры; наемный труд — на европейских плантациях и на плантациях нескольких предпринимателей-насион. Теперь насион различают два вида труда: *минтонг* — труд в своем хозяйстве и *уака* — труд на предпринимателя. В сфере минтонга действуют традиционные институты (совместный труд под руководством «большого человека», взаимная помощь), в сфере уака — новые порядки, «бизнес».

Орудия обработки земли в сфере минтонга остались те же, и лишь иногда вместо заостренной деревянной палки женщины используют железный прут (стр. 116). Труд на огороде изнурительный, и родичи часто помогают друг другу. Такая помощь называется *тамунг пакуко*, «помощь за ничто» (стр. 123). От свиней насион отказались, так как невозможно оградить от них молодые саженцы кокосовых пальм, и с сожалением вспоминают о прежних днях, когда на празднествах было много свинины (стр. 119).

Насион выращивают на огородах бататы, таро, ямс, бананы, а также различные овощи и фрукты, причем не только для собственного употребления, но и для продажи на городском рынке в Киета.

К сожалению, автор основное внимание уделяет не производству, а обмену (это заметно и во второй главе). Он находится под сильным влиянием «обменной теории», согласно которой, как заметил Д. Дэвис, «вся или почти вся социальная жизнь может быть истолкована так, как если бы это была серия обменов»⁸. В седьмой главе в разделе «обмен» Оган рассматривает расчистку огорода (обмен трудом), постройку дома (то же самое), работу насион на христианскую миссию (труд обменивается на духовное руководство), лечение знахарем больного (услуги обмениваются на товары), уход за чужим ребенком (*exchange of baby-sitting services*, стр. 31, 133), различные обряды, связанные с ростом ребенка (стр. 136). А так как обряды эти начинаются еще до рождения ребенка, то автор смело утверждает, что каждый насион включается в обмен товаров и услуг еще до того, как появляется на свет (стр. 101).

Большой интерес представляет глава о современных социальных институтах насион. Несмотря на то что прежние небольшие поселки (*hamlets*) по воле администрации объединены в деревни, эти поселки сохраняют свою обособленность. Ядро поселка — экзогамный матрилинейный род (*му*), владеющий землей, совместно выполняющий многие трудовые операции. Члены рода считают себя кровными родственниками (*нарунг еренг* — одна кровь). В деревне Румба, где жил автор, имеются четыре таких рода (*му*), и у каждого есть своя хижина для сушки копры.

Деревня ныне также представляет собой определенное единство — в ней одна церковь, одна школа, одна лавка.

К сожалению, автор не проследил соотношение между локальными и родовыми группами, и социальная структура насион остается пока неясной.

В восьмой главе «Бизнес и карго» и в девятой — «Заключение» автор, в частности, обсуждает проблемы, возникшие после открытия медной руды на территории насион. По его мнению, насион угрожает потеря земель и полная утрата традиционной культуры.

Но сейчас положение несколько изменилось: территория Папуа — Новая Гвинея, в которую входит остров Бугенвиль, получила самоуправление. Есть надежда на то, что насион все-таки сохраняют свои земли или получают за них достаточную компенсацию.

Н. А. Бутинов

⁸ J. D. Davis, *Forms and norms: the economy of social relations*, «Man», vol. 8, № 2, 1973, p. 160.